

Ю. А. Жаданов, О. И. Сердюкова

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Особенности использования искусственных языков в антиутопии XX века

Жаданов Ю. А., Сердюкова О. И. Особливості використання штучних мов в антиутопії XX століття. Стаття присвячена розгляду історії виникнення, особливостей текстуального втілення і специфіки функціонування штучних мов «новомова» в романі Джорджа Оруелла «1984» і «надсат» в романі Ентоні Берджеса «Механічний апельсин».

Ключові слова: «новомова», тоталітаризм, дистопія, штучні мови, сленг, «надсат», лінгвістичні аспекти антиутопії, негативна утопія.

Жаданов Ю. А., Сердюкова О. И. Особенности использования искусственных языков в антиутопии XX века. Статья посвящена рассмотрению истории возникновения, особенностей текстуального воплощения и специфики функционирования искусственных языков «новояз» в романе Джорджа Оруелла «1984» и «надсат» в романе Энтони Берджеса «Механический апельсин».

Ключевые слова: «новояз», тоталитаризм, дистопия, искусственные языки, сленг, «надсат», лингвистические аспекты антиутопии, негативная утопия.

Zhadanov Y. A., Serdukova O. I. The peculiarity of usage of artificial languages in dystopia of the 20-th century. The article considers the history of the origin, the characteristics of textual embodiment and specific functioning of the artificial languages "Newspeak" in George Orwell's novel "1984", "Nadsat" in the novel by Anthony Burgess's "Clockwork Orange".

Key words: "newspeak", totalitarianism, dystopia, artificial languages, slang, "nadsat", dystopia's linguistic aspects, negative utopia.

Авторы утопий прошлых столетий, создавая причудливые миры совершенных обществ, разрабатывая в мельчайших подробностях детали идеальных государств, вплотную подошли к еще одной важнейшей сфере человеческого бытия – изобретению особых языков, отличных от традиционных, отражающих на лингвистическом уровне новизну описываемых миров. Текстульная реализация этих перспектив стала возможной лишь в XX веке. Проблема искусственно созданных (авторских) языков в художественных произведениях нашла свое отражение в лингвистических поисках Дж. Оруелла и Э. Берджеса, наиболее полно и всесторонне воплотилась в официальном языке Океании «новоязе» в дистопии «1984» (1947) и молодежном сленге «надсат» в антиутопии «Механический апельсин» (1962). Каждый из авторов искусственных языков по-своему видел цели и задачи этих лингвистических новообразований.

Исследование истории создания искусственных языков «новояз» и «надсат», выявление их роли в произведениях антиутопической направленности является целью данной статьи.

Роман «1984» и повесть «Ферма животных» Дж. Оруелла уже давно вошли в золотой фонд современной мировой литературы и достаточно полно и всесторонне исследованы в критике и литературоведении. В работах западных ученых преобладает: биографический аспект анализа творчества Оруелла (Р. Рос, Дж. Вудкок, М. Шелдон), разбор особенностей его политических взглядов и симпатий (А. Звердлинг, Р. Вильямс, К. Олдрид), анализ деятельности Оруелла с религиозно-мистической точки зрения (К. Смолл). Имеет место и общий негативный взгляд на творчество писателя как автора слабых неудачных произведений (Т. Хопкинсон, Р. Вурхез).

В украинской и российской критике имя Дж. Оруелла стало появляться вместе с первыми публикациями его произведений в середине 80-х годов. Статьи в газетах и журналах (С. Воловец, Р. Гальцева, И. Роднянская, Л. Лисюткина, Л. Радзиевский), носившие сугубо информационный характер, открыли советскому читателю ранее запрещенного автора. Позже выходят работы В. Чаликовой, А. Зверева, В. Недошивина, О. Сабининой, которые дали толчок для более полного

и глубокого изучения творчества Дж. Оруэлла. В наше время осмысление Оруэлла-человека, Оруэлла-художника, Оруэлла-мыслителя продолжается. Языковые проблемы знаменитой дистопии редко привлекают внимание исследователей.

Творчество Э. Бёрджесса разносторонне исследовано в зарубежном литературоведении. Это, прежде всего, работы биографического плана (Дж. Дикс, С. Коул, Р. Льюис), исследования монографического характера (А. Де Витис, Р. Моррис и др.). Наибольший интерес ученых вызывал именно роман Э. Бёрджесса «Механический апельсин», его религиозный и морально-этический аспект. В ряде работ, посвященных искусственному языку «надсат» (Р. Марти, Р. Эванс) акцентировалось внимание на сложностях перевода молодёжного сленга. Пик исследовательских работ на Западе пришелся на конец 60-х – начало 70-х годов, после чего интерес к творчеству Э. Бёрджесса значительно уменьшился. Отечественное литературоведение стоит на пороге будущих открытий о своеобразии художественного мира выдающегося писателя своего времени, так и не понятого до конца современниками.

Языковые эксперименты по созданию искусственных новообразований получают классическое воплощение в форме особого языка – «новояза» в романе Дж. Оруэлла «1984». «Новояз» – язык тоталитарного общества Океании, искусственно созданный Оруэллом, в отличие от «старояза» (традиционного английского языка) не является результатом эволюционного развития, а представляет собой итог целенаправленной языковой политики Партии, направленной на сужение возможностей языка выражать неортодоксальную мысль. Разработка и создание теории «новояза» стала подлинным открытием Оруэлла (признаваемым и приверженцами писателя и его недоброжелателями). Пародируя стиль научного трактата, в приложении к роману «О Новоязе» писатель обстоятельно и деловито описывает историю и цели возникновения нового языка Океании, его структуру, особенности и сферу применения. «Новояз» должен был не только обеспечить знаковыми средствами мировоззрение и мыслительную деятельность приверженцев англсоца, но и сделать невозможным любые иные течения мысли. Здесь Оруэлл доводит до совершенства идею вмешательства государства в жизнь граждан. Не только посредством телескринов, тайных сыщиков, Министерства Любви, двоемыслия и мыслепреступления

добиться тотального контроля и тотального повиновения, но и сделать невозможным чисто словесное выражение неортодоксальных мыслей. Технически это достигалось: 1) введением новых слов; 2) исключением нежелательных слов и словосочетаний; 3) приведением оставшихся слов к единому значению, освобождая их от побочных, ненужных значений. Этому способствовало разделение лексического состава языка на три класса (в классовом обществе и язык разделён на классы): А – лексемы повседневного общения, лишённые неясностей и смысловых оттенков; В – специально сконструированные слова для выражения политических понятий; С – научные и технические термины, употребление которых строго регламентировано профессиональными рамками.

Оруэлл вводит в обиход целый пласт новых слов, которые сами по себе несут сатирическое, обличительное начало: мыслепреступление (crimethink) – нетрадиционная мысль – преступна; мыслестоп или самостоп (crimestop) – умение остановиться на пороге опасной мысли, спасительная глупость; лицепреступление (facethink) – мрачное, недовольное выражение лица – преступно; саможит (ownlife) – склонность к индивидуализму, чудачеству – преступно; бело-черный (blackwhite) – искренне верить (если надо), что белое черное, а черное – белое; двоемыслие (doublethink) – умение одновременно верить в два взаимоисключающие суждения и др. Для лексики «новояза» характерна бинарность, т. е. конструирование новых слов по принципу «белое-черное», «хорошее-плохое», «новое-старое», причем сема «новое» становится синонимом «блага», а «старое» – синонимом «преступления». Эти неологизмы как нельзя лучше характеризуют мир Океании, как общество перерожденцев, лицемеров, приспособленцев, людей недалеких, ограниченных, кичащихся своей тупостью. Итоговым в этом словесном ряду становятся слова благомысл (goodthink) – человек всегда и везде отличающийся положительным поведением и образом мысли и речекряк (duckspeak) – «крякать по-утиному», обозначающее сокращенную речь, которая рождалась бы не в мозгу, а в гортани.

Использование молодёжного сленга в антиутопии Э. Бёрджесса «Механический апельсин» превращает роман в некое подобие сканворда, ребуса, закодированного послания. При этом происходит процесс «очуждения», отстраненности от знакомого и привычного мира. По мнению К. Дикса, через

постижение сленга происходит ещё один важный момент осознания и произведения, и общества, в нем изображенного: бёрджесовский вариант общества будущего – результат русско-американского вмешательства или вторжения (вспомним, что 60-е годы прошли под знаменем истерической боязни третьей мировой (ядерной) войны, коммунистической угрозы) [10].

Само название сленга «Nadsat» есть ни что иное как транслитерация русского суффикса «-надцать» (англ. – «teen») и является дополнительной характеристикой героев (и их социально-значимой сущности) романа, ибо это подростки (тинэйджеры) – наиболее ранимая, неустоявшаяся часть общества, способная на неадекватные поступки, необъяснимую жестокость, скрывающая за всем этим собственные опасения, неуверенность, страх перед большим и непонятным миром взрослых.

В отличие от Дж. Оруэлла, с его разработанным до мелочей «новоязом», Э. Бёрджесс затрагивает только лексический уровень своего искусственного языка, не давая упорядоченной грамматической системы. «Надсат» – это всего лишь 250 слов и выражений, образованных (чаще всего) от русских корней. Присутствуют также сленговые образования европейских языков – французского и немецкого, а также «экзотических» языков – малайского и цыганского.

Автор с начала романа вводит текст, пересыпанный трудночитаемыми словами: «[They] had no licence for selling liquor, but there was no law yet against *prodding* some of the new *vesches* which they used to put into the old *moloko*, and you could *peet* it with *vellocet* or *synthemes/c* or *drencrom* or one or two other *vesches* which would give you a nice quiet *hor-rors how* fifteen minutes admiring Bog And Alii His Holy Angels And Saints in your left shoe with lights bursting all over your *mozg...*» [9:3], «Разрешения на торговлю спиртным у них не было, по против того, чтобы подмешивать кое-что из новых *shtutshesk* в доброе старое молоко, закона еще не было, и можно было *gin* его с велосетом, дренкромом, а то и еще с кое-чем из *shtutshesk*, от которых идет тихий *baldiozh*, и ты минут пятнадцать чувствуешь, что сам Господь Бог со всем его святым воинством сидит у тебя в левом ботинке, а сквозь *mozg* проскакивают искры и фейерверки» [1:16].

Искусственный язык, таким образом, становится одним из приемов особого конструирования художественного текста. Все слова «надсат» передаются латинскими буквами

(и в оригинальном тексте, и в переводе). При этом Бёрджесс не придерживается принципа транскрипции или транслитерации при передаче русских слов, а совмещает оба принципа.

Специфика **грамматического строя** сленга «надсат» определяется следующим: автор сохраняет английские грамматические формы и прибавляет к чужеродным для английского языка корням английские суффиксы. Например, создавая форму множественного числа «*gooba*», Э. Бёрджесс прибавляет к основе английское *-ers* и получает «*goobers*», а не транскрибированную форму множественного числа русского «*gooby*».

Более разработана **лексическая система** молодежного сленга «надсат». Следует особо подчеркнуть, что это язык не абстрактных идей и понятий, а предметный язык. Можно выделить несколько тематических направлений лексического уровня молодежного сленга. Так в «надсат» преобладают слова и выражения, используемые для обозначения:

1) широкого круга аспектов человеческой жизни: существительные: *chelloveck* – человек, *moodge* – муж, *zheena* – жена, *lewdies* – люди, *baboochka* – бабушка, *ded* – дед, *devotchka* – девочка и т.д.; прилагательные: *starry* – старый, *bugatty* – богатый, *gloopy* – глупый, *grahzny* – грязный, *bezoomny* – безумный и т.д.;

2) бытовых ситуаций, предметов и явлений: существительные: *collocoll* – колокол, *otch kies* – очки, *okno* – окно, *knopka* – кнопка, *gazetta* – газета, *minoota* – минута и т.д.; глаголы: *vareet* – варить, *itty* – идти, *interessovat* – интересоваться, *rabbit* – работать, *sloochat* – случать и т.д.; прилагательные: *gromky* – громкий, *malenky* – маленький, *skorry* – скорый, *starry* – старый и т.д.;

3) частей человеческого тела: существительные: *zoobies* – зубы, *oko* – ухо, *yahzick* – язык, *goobers* – губы, *plot* – плоть, *krowy* – кровь, *rooker* – рука, *rot* – *pot*, *noga* – нога и т.д.;

4) одежды: существительные: *platties* – одежда, *shlapa* – шляпа, *cravat* – галстук, *shlem* – шлем, *carman* – карман; *sabog* – сапог, *toofles* – туфли и т.д.;

5) продуктов питания: существительные: *chaj* – чай, *moloko* – молоко, *kartoffel* – картофель, *maslo* – масло, *kleb* – хлеб, *lomtick* – ломтик и т.д.

Писательская задача Бёрджесса, по нашему мнению, заключалась, прежде всего, в создании общестилистического эффекта, звуковой неповторимости. Безусловно, автор в тексте романа ставит языковой эксперимент. По мнению Бёрджесса (об этом свидетельст-

вуют дневниковые записи писателя), в языке отражается всё – сознание героя, мельчайшие движения его души, нащупываются ключевые моменты в позиции персонажа.

Присутствующие в романе (посредством специфической лексики) скрытые смыслы, раскрываются за счет вовлечения читателя в игровые отношения с языковой составляющей текста. Писатель заставляет читателя проделывать серьёзную работу по расшифровке языковых ребусов, разгадыванию сюжетных комбинаций на языковом уровне и, тем самым, ведёт его к постижению художественных тайн произведения, истинного смысла всех совершающихся событий. Роман «Механический апельсин», таким образом, сознательно создаётся автором с таким расчётом, чтобы постижение специфики его языковой оболочки могло стать основой для полноценного понимания структурной организации текста, использованной в нем сюжетно-повествовательной стратегии, зашифрованных авторских тезисов о глубинных человеческих проблемах современного конфликтующего мира. Сам Э. Бёрджесс утверждал: «Если мои книги не читают, это потому, что в них много незнакомых слов, а люди не любят, читая роман, заглядывать в словари» [9:235].

Само собой напрашивается сравнение с выдающимся римским комедиографом раннего периода Теренцием, который, как известно, в своей драматургической деятельности (в отличие от современника – Плавта) ориентировался на просвещённого зрителя. Роман Э. Бёрджесса действительно предназначался автором для эрудированного читателя. Как в комедиях Теренция, где суть комического ускользала от «неподготовленного» зрителя, так и «Механический апельсин» мог быть по достоинству оценён и понят только «проницательным» читателем.

Подводя итоги настоящей работы, следует отметить, что это лишь наброски, ориентиры, направления наших будущих исследований. Наша задача в этом и заключалась – наметить пути целенаправленного, разностороннего исследования строя, специфики и функциональности искусственных языков «новояза» и «надсат». Так, «новояз», как и вся художественная структура романа, имел ярко выраженную идейную направленность и явился гениальным откровением писателя

о значении языка в деле укрепления тоталитарного режима, завершившим многолетние размышления писателя над узурпацией языка идеологией, исследование языка «партийной речи» – «языка без костей», с присущими ему словами-«перевертышами».

Дж. Оруэлл основательно, в деталях продумал и лексику, и грамматику, и риторику «новояза». Во-первых, это свидетельство незаурядных лингвистических способностей писателя, во-вторых, Оруэлл как никто другой из мыслителей своего времени уловил социально-политический смысл манипуляций с языком в тоталитарных обществах и дал этому научное обоснование. Сконструированная им модель искусственного языка, поставленного на службу государства, сохраняет и сегодня как теоретическое, так и практическое значение.

В ходе анализа творения Бёрджесса было установлено, что молодёжный сленг «надсат» является важнейшей составляющей поэтики романа «Механический апельсин». Трудности первичного восприятия текста произведения, перенасыщенного незнакомыми, трудночитаемыми словами, является ничем иным как формой активизации читательского восприятия, подготовка его к принятию и глубокому осмыслению достаточно дискуссионных идей автора. Создание искусственных слов и выражений, присутствующих в романе Бёрджесса, создает иллюзию подлинности «надсат», сближая его с реальными английским, русским и американским молодёжными сленгами. Более того, автору удаётся нащупать и описать пути появления той или иной лексической единицы в подобных сленговых конструкциях.

Жанровая специфика романа «Механический апельсин» также даёт возможность посмотреть на «надсат» как на ещё одну – языковую – характеристику традиционного антиутопического общества. Сленг становится звуковым лейтмотивом разворачивающихся событий, помогает читателю лучше и полнее понять и само общество, и главного героя, и общий замысел писателя.

Принимая во внимание глубину и масштабность поставленных задач, мы намерены продолжить целенаправленное и скрупулезное изучение искусственных языков в произведениях антиутопической направленности.

Литература

1. Бёрджесс Э. Заводной апельсин / Э. Бёрджесс. — С.-Пб., 2001. — 230 с.

2. Безкоровайний Г. Берджес / Г. Безкоровайний // Зарубіжні письменники. Енциклопедичний довідник : у 2 т. Т 1: А—К / [За ред. Н. Михальської, Б. Шавурського]. — Тернопіль : Навчальна книга — Богдан, 2005. — С. 129—131.
3. Дорошевич А. Энтони Бёрджес : цена свободы / А. Дорошевич // Иностран. лит-ра. — 1991. — № 12. — С. 229—233.
4. Зверев А. О. Старшем Брате и чреве кита / А. О. Зверев // Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. — М.: Прогресс, 1989. — С. 3—21.
5. Оруэлл Дж. 1984. Скотный двор / Дж. Оруэлл [пер. с англ.]. — Пермь: Изд-во «Капик», 1992. — 304 с.
6. Сабина О. В. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30—50-х годов XX века / О. В. Сабина // Вестн. Моск. ун-та. — Сер. 9. Филология. — 1990. — № 2. — С. 51—57.
7. Хабибуллина Л. Ф. Литературно-критическая деятельность Энтони Берджесса 60-х годов в свете его мироощущения / Л. Ф. Хабибуллина // II Международные Бодуэновские чтения : тр. и материалы. — Казань, 2003. — Т. 2. — С. 189—192.
8. Чаликова В. Утопия и свобода / В. Чаликова. — М. : Весть-Вимо, 1994. — 184 с.
9. Burgess A. A. Clockwork Orange / A. Burgess. — Harmondsworth : Penguin, 2000. — 240 p.
10. Dix G. M. Anthony Burgess / G. M. Dix. — L. : Longman, 2002. — 310 p.
11. Orwell G. 1984 / G. Orwell. — N.Y. : Scarsborough : Nal Penquin Inc., 1987. — 269 p